

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-158-170

© С. И. Межеричкая, © М. В. Рождественская

**В. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ — ПЕРЕВОДЧИК
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Всеволод Рождественский — известный поэт, эссеист и литературный критик — занимает в истории литературы советской эпохи особое место, которое определяется, прежде всего, преемственностью его творчества по отношению к классическим традициям русской литературы. Им поэт сознательно и неуклонно следовал всю свою жизнь: ясности и «точности пушкинского слова»,¹ «благородной простоте и тонкости мыслей» Баратынского,² акмеистической четкости и конкретности образов. «Заслуга Вс. Рождественского перед современным читателем и перед самой поэзией, — отмечала современная ему критика, — помимо многих и важных индивидуальных достижений в области мастерства, состоит еще и в том, что он <...> продлил классику в наши дни. В его стихах классическое искусство, обогащенное <...> сложным опытом XX века, прошедшее через его искусства и ответвления, явилось перед читателем в живой прелести строгих и чистых реальных форм».³

Не менее значителен вклад Вс. Рождественского и в развитие русской переводной литературы — главным образом, в становление ленинградской школы художественного перевода. Имя Вс. Рождественского заслуженно стоит в ряду таких блестящих переводчиков советской эпохи, как М. Лозинский, К. Чуковский, С. Маршак, Б. Пастернак, М. Цветаева, Б. Лившиц, Л. Гинзбург, Д. Самойлов и др., благодаря которым художественный перевод в истории русской литературы достиг небывалых высот.⁴ О достижениях в этой области Вс. Рождественского можно, в частности, судить по внушительной подборке стихотворений французских поэтов, опубликованной в книжной серии «Мастера поэтического перевода».⁵ Многочисленные переводы Вс. Рождественского с разных языков (французского, английского, немецкого, а также с украинского, белорусского, латышского, казахского, узбекского, эстонского и сербскохорватского) выходили в его стихотворных сборниках.⁶ Значительная часть переводов рассеяна по различным изданиям, часто являющимся плодом коллективного переводческого труда, — поэтическим антологиям, сборникам избранных произведений и собраниям сочинений отдельных зарубежных авторов. Эта обширная переводческая деятельность Вс. Рождественского еще ждет специального исследования.

Перечень переводов Вс. Рождественского с различных языков весьма обширен.⁷ Если ограничиться только западноевропейскими именами, то это Ронсар, Вольтер, Дидро, Парни, Мюрге, Бодлер, Верлен, Рембо, Аполлинер, Элюар, Эредиа, Байрон, Саути, Браунинг, Йейтс, Гете, Гейне, Шиллер, Фрейлигарт и мн. др. Характерно, что в книге «Средоточие времен», которую можно рассматривать как своего рода «визит-

¹ Из писем Вс. Рождественского к Г. В. Глекину 1957 года (хранятся в архиве семьи Рождественских).

² Там же.

³ Павловский А. И. Всеволод Рождественский // Рождественский Вс. Стихотворения. Л., 1985. С. 44.

⁴ См., в частности: Федоров А. В. Искусство перевода и жизнь литературы. Очерки. Л., 1983; Эткинд Е. Г. 1) Поэтический перевод в истории русской литературы // Мастера русского стихотворного перевода. Л., 1968. С. 5–72; 2) Русская переводная поэзия XX века // Мастера поэтического перевода. XX век. СПб., 1997. С. 5–54; Багно В. Е. «Дар особенный»: Художественный перевод в истории русской культуры. М., 2017.

⁵ Средоточие времен. Стихи зарубежных поэтов в переводе Всеволода Рождественского. М., 1979.

⁶ Рождественский Вс. 1) Стихотворения. Л., 1956; 2) Стихотворения. Л., 1985.

⁷ Вс. Рождественский переводил также с польского, чешского, литовского, грузинского, армянского языков.

ную карточку» Рождественского-переводчика, опубликованы его переводы только французских поэтов XVIII–XIX веков (А. Шенье, П.-Ж. Беранже, В. Гюго, О. Барбье, Э. Моро, Т. Готье, Ж.-М. де Эредиа). Было ли это осознанным выбором редколлегии серии или желанием самого переводчика, сказать трудно, однако данный факт не кажется нам случайным. Французскую литературу Вс. Рождественский прекрасно знал и любил с юности, она органично вошла и в его ранние стихи, написанные во многом под влиянием прочитанного, за что ему не раз доставалось от советской критики, — здесь и Ростан, и Манон Леско, и романтически воспринятая Французская революция, и любимый Жюль Верн, и Мюссе, и Альфонс Доде. На протяжении всей жизни он с большим энтузиазмом переводил французских поэтов — зачастую просто для души, «для себя», по собственному его признанию. Не последнюю роль в этой любви, помимо общепринятого в среде и символистов, и акмеистов увлечения французской поэзией, сыграло совершенное владение поэтом французским языком. Так, в письме от 22 апреля 1957 года своему постоянному адресату 1950–1970-х годов Г. В. Глекину⁸ он признается: «Я вообще люблю французскую поэзию и, как будто, знаю ее. Мне в этом помогает знание языка. Время от времени перевожу кое-что „для себя“ — Готье, Леконт де Лиль, Эредиа, Сюлли Прюдом, Анри де Ренье... Не говоря уже о том, что напечатано — Гюго, Беранже, Верхарн, Мюссе».⁹

Успехи, достигнутые Вс. Рождественским в сфере художественного перевода (в основном с европейских языков), во многом объясняются его личными симпатиями и живейшим интересом к переводимым авторам, многие из которых входили в постоянный круг чтения поэта в юные и молодые годы. Это в основном французские, английские и немецкие поэты и писатели XIX века. В письме к Г. В. Глекину, датированном началом 1970-х годов, он подробно описывает свои литературные пристрастия: «Что же касается литературы западной (не нашего времени), то тут до сих пор сказываются предпочтения юных лет, на которых, в сущности, иросло мое поколение. И при перечитывании все остается на своем месте. Имею в виду громоздкие романы Гюго, люблю Диккенса (которого знаю почти всего), люблю Киплинга, Оскара Уайльда, Эдгара По, Кнута Гамсуна. С большим уважением и благодарностью отношусь к Жюль Верну, который в оригинале выглядит неплохим прозаиком вообще. Купер, Стивенсон достойны того, чтобы их перечитать. Но вообще меня больше тянет к французам. Мопассан мне ближе своего прославленного учителя, к Золя я равнодушен. Люблю Мери-ме, и не интересна мне Жорж Занд. И вот никак не могу войти в Стендаля (кроме двух его действительно умных и тонких основных романов) — его анализ и скептицизм не для меня, как и добродетельный Ромен Роллан — „Жана Кристофа“ я так и не дочитал. Но очень близок мне по духу Анатоль Франс, которого хорошо знаю всего — и в оригинале, и по-русски. Всего хуже обстоит у меня дело с немцами. Гофман меня никогда не завораживал, и оба Манна для меня непроницаемы...». В другом письме, от 9 мая 1957 года, он пишет: «Мои вкусы больше склоняются к <...> Ан. Франсу. Вот писатель, которого знаю целиком (и в неплохих русских переводах, и в оригинале), постоянно перечитываю — так же, как и Диккенса. У Ан. Франса для меня все хорошо, и все интересно — очевидно потому, что уж очень близок он мне своей чисто филологической, исторической культурой, и конкретным гуманизмом, и удивительной точностью и ясностью своего стиля, всегда напоминающими чем-то прозу Пушкина, его острых и умных статей и заметок».

⁸ Глекин Георгий Васильевич (1915–1998) — биофизик, акустик, библиофил. Жил в Москве. Был знаком и переписывался со многими поэтами и писателями своего времени — с А. А. Ахматовой, В. С. Шефнером, А. С. Кушнером, А. И. Векслер, В. А. Каверинным и др. См., например, его воспоминания: *Глекин Г. Встречи с Ахматовой* (из дневниковых записей 1959–1966 годов) // Вопросы литературы. 1997. № 2. С. 302–323 (фрагменты воспоминаний публиковались также в альманахе «День поэзии» (1988 и 1989) и в журнале «Звезда» (2003); полностью вошли в кн.: *Глекин Г. В. Что мне было дано... М., 2015*).

⁹ Здесь и далее фрагменты из неопубликованных писем Вс. Рождественского даются по материалам семейного архива Рождественских, с соблюдением орфографии и пунктуации автора.

Почти сразу после создания издательства «Всемирная литература»¹⁰ в 1918 году к работе над переводами произведений западноевропейских авторов М. Горьким был привлечен и юный Вс. Рождественский¹¹ — наряду с такими выдающимися и опытными переводчиками, как В. Брюсов, А. Блок, Н. Гумилев, Ф. Сологуб, М. Кузмин, К. Чуковский, М. Лозинский и др. Сам Вс. Рождественский так вспоминал об этом периоде своей жизни: «Это было в своем роде замечательное учреждение. Назвать его только издательством значило бы сказать о нем слишком мало. Горькому удалось собрать вокруг своего благородного дела все наиболее достойное в литературе и филологических науках того времени, всех, кто хотел и мог служить делу культуры в стране, начинающей новую жизнь. Один список литераторов-переводчиков, прозаиков и поэтов, ученых редакторов, специалистов по западноевропейским литературам, по Востоку и заокеанским странам мог бы дать представление о том, какими культурными силами располагала молодая республика в самые первые годы своего исторического существования. А долго и тщательно составлявшийся издательский план охватывал наиболее художественно значимые и прогрессивные произведения многих стран и народов. Для его осуществления не хватило бы и нескольких десятилетий. Сотрудничество в горьковском начинании, сначала на скромной роли „студента для книжных поручений“, а впоследствии и поэта-переводчика дало мне возможность познакомиться с многими представителями тогдашней литературы и науки».¹²

Это «сотрудничество» вскоре превратило Вс. Рождественского «в значительного переводчика французской лирики, а позднее — и в редактора переводов с французского языка».¹³ Ранние переводы Вс. Рождественского были высоко оценены Н. Гумилевым и Ф. Сологубом. Так, на подаренной поэту книге переводов стихотворений Теофиля Готье «Эмали и камеи» (СПб., 1914) Гумилев сделал следующую дарственную надпись: «Дорогому Всеволоду Александровичу Рождественскому с настойчивой просьбой переводить лучше, чем переводчик этой книги. Н. Г. 2 марта 1919 г.». А в 1923 году вышел сборник стихотворений Готье в переводах уже самого Вс. Рождественского со вступительной статьей Гумилева.¹⁴ Примечательна и другая дарственная надпись — сделанная Сологубом на сборнике своих переводов из Поля Верлена:¹⁵ «Дорогому Всеволоду Александровичу Рождественскому с приветом в дни сотрудничества и с надеждою сотрудничества доброго по творениям другого очаровательного француза. Федор Сологуб». Неизвестно, о каком «очаровательном французе» идет здесь речь, — возможно, об Анри де Ренье, о котором Вс. Рождественский упоминает в письме к Глекину от 12 октября 1957 года в очень похожем контексте: «...я посылаю Вам <...> тетрадочку своих переводов из другого, не менее пленительного француза, которого Вы, вероятно, больше знаете по прозе, чем по его стихам. Кстати, я переводил и прозу Анри де Ренье (она издана), сборники новелл: „Загадочные истории“, „Необычайные любовники“ и небольшой роман „Шалость“ (или лучше было бы назвать «Эскапада»). Но все это, разумеется, грехи далекой юности».

В 1920–1930-е годы Вс. Рождественский продолжает переводить зарубежную литературу — в основном с французского, английского и немецкого языков. В эти годы публикуются его переводы произведений Вийона, Беранже, Мольера, Гюго, Гете,

¹⁰ Подробно о деятельности издательства см.: Шомракова И. Книгоиздательство «Всемирная литература» (1918–1924) // Книга: Исследования и материалы. М., 1967. Сб. 14. С. 175–193.

¹¹ Одной из первых работ Вс. Рождественского на поприще поэтического перевода было участие — совместно с Н. Гумилевым, Г. Адамовичем и Г. Ивановым — в сборнике «Баллады о Робин Гуде» (Пб.: Всемирная литература, 1919), где им была переведена большая часть баллад.

¹² *Рождественский Вс.* Н. С. Гумилев (Из запасов памяти) // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 414.

¹³ Яснов М. «Хранитель чужого наследства...». Заметки о ленинградской (петербургской) школе художественного перевода // Иностранная литература. 2010. № 12. С. 232.

¹⁴ Теофиль Готье. 1811–1872. Избранные стихи / Пер. Всеволода Рождественского со статьей Н. С. Гумилева «Теофиль Готье». Пг.: Мысль, 1923.

¹⁵ *Верлен П.* Стихи, выбранные и переведенные Федором Сологубом. 2-е изд., испр. и доп. Пг.; М.: Книгоиздательство «Петроград», 1923. Оба сборника хранятся в семейной библиотеке Рождественских.

Шиллера, Гейне и др. Об интенсивной переводческой работе, которой поэт был очень увлечен, а также о широте его литературных интересов свидетельствуют письма к постоянным адресатам тех лет — Е. Я. Архиппову¹⁶ и Д. С. Усову.¹⁷ Ниже мы приводим отдельные выдержки из этих писем.¹⁸

Е. Я. Архиппову (1927 год)

Последняя моя литературная работа <...> — стихи Франсуа Вийона в любопытнейшей, недавно вышедшей в свет, книге «Франсис Карко»: «Горестная жизнь Франсуа Вийона» (изд-во «Прибой»)¹⁹. «Прибой» вообще переменяет курс и начинает выпускать даже чисто художественные издания. Сейчас, например, ведутся переговоры об издании моего Беранже с иллюстрациями Дм. Ис. Митрохина, с которым мы уже вполне сговорились. Выпускается и тот же Вийон в сборных переводах с иллюстрациями Петрова-Водкина. Правда, все это почти невероятно?

Д. С. Усову (осень 1930 года)

...Ничего не пишу, кроме того, о чем говорил. Работал, впрочем, над переводами. «Academia»²⁰ поручила перевести больше 20 стихов Гейне для трехтомного собрания (1 том стихов, 2 — прозы; стихи переводят Кузмин, Лозинский, Зоргенфрей — большинство стихов взято старых, проредактированных, конечно).²¹ Эта работа была мучительной и приятной. На днях только кончил ее. До этого выполнял заказ ЗИФ'а²² — переводил украинцев и белорусов. Жду сейчас каких-то калмыков и башкир.

Д. С. Усову (13 марта 1931 года)

По утрам я имею возможность работать. Главным образом, перевожу. После Гейне последовал Шиллер, сейчас идет Линард Лайцен — революционный поэт Латвии.

Е. Я. Архиппову (14 апреля 1931 года)

Год прошел для меня, как всегда, утомительно и шумно. Писал много, но писалось мало. Большой отдохновительной радостью была работа над переводами Гете²³ (московский ГИХЛ²⁴) и над лирикой Heine («Academia»).

¹⁶ Архиппов Евгений Яковлевич (1882–1950) — педагог, литературовед, поэт, с 1916-го по август 1931 года проживавший в Новороссийске, затем во Владикавказе.

¹⁷ Усов Дмитрий Сергеевич (1896–1943) — филолог-германист, поэт, переводчик. Жил в Москве.

¹⁸ Здесь и далее тексты писем к Е. Я. Архиппову и Д. С. Усову, кроме специально оговоренных случаев, приводятся по машинописи из семейного архива Рождественских. Оригиналы писем хранятся в РГАЛИ.

¹⁹ Карко Ф. Горестная жизнь Франсуа Вийона. Роман / Пер. с фр. Б. Д. Левина. Л.: Рабочее издательство «Прибой», 1927.

²⁰ «Academia» — книжное издательство, созданное в Петрограде в 1921 году и просуществовавшее до 1937 года (впоследствии слилось с Государственным издательством художественной литературы (Гослитиздатом)), выпускавшее иллюстрированные издания переводной классической литературы. Всего было выпущено более 1000 изданий — большинство из них сравнительно небольшим тиражом.

²¹ Гейне Г. Стихотворения. М.; Л.: Academia, 1931.

²² «Земля и фабрика» (ЗИФ) — книгоиздательское общество, существовавшее с 1922 по 1930 год. Позднее слилось с Гослитиздатом. Выпускало отдельные произведения и собрания сочинений советских писателей, классиков зарубежной литературы, а также периодические издания.

²³ Судя по всему, работа велась для юбилейного издания: Гете И. В. Собр. соч.: В 13 т. Юбилейное издание / Под общ. ред. А. В. Луначарского, М. Н. Розанова. М.; Л.: ГИХЛ, 1932–1949.

²⁴ ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы (Гослитиздат). Создано в Москве в 1930 году. См. прим. 20.

Д. С. Усову (16 апреля 1931 года)

В нашем ГИХЛ'е в редакционном плане прошла большая антология современной западной поэзии. Мне предстоит работа, которой я очень жду. Не помню, писал ли я Вам, что в Москве выходит собрание «Песен» Беранже,²⁵ что по замыслу редакции (Д. Горбов) все новые переводы должны быть выполнены Антокольским и мною. <...> Шиллер, из которого я перевел три длинных стихотворения (долгие и нудные препирательства по этому поводу с редактором издания А. Г. Горнфельдом), видимо, тоже идет как подписное издание (сейчас на это мода), а следовательно, появится не скоро.²⁶

Е. Я. Архиппову (17 апреля 1932 года)

Из французов влекут меня теперь двое — столь непохожие друг на друга: Ренье и Жамм. У одного учусь ясности, точности, скупости, суровой неприязни всего легкого и общедоступного — другой пленяет меня мудростью и простотой своего слова, согретого великой любовью ко всему видимому миру, не разбитому на эстетические и моральные категории. <...> Не заинтересуют ли Вас мои новые переводы из последнего стихотворного томика А. де-Ренье — «*Vestigia flammae*» (1926 г.) и идиллический Жамм?

Д. С. Усову (8 июля 1932 года)

Я перевел здесь (в Коктебеле. — С. М., М. Р.) еще около десятка стихов Ренье. Потом я почувствовал, что довольно. Все же Ренье пишет «для стоячих вод и зеркал». Он чрезвычайно требователен, даже деспотичен. В системе его образов ничего нельзя переставлять, их нужно принимать без поправок, и в них уже ничего нельзя привнести. В комнатах его дома нельзя жить. Они похожи на музей, где можно только тихо смотреть, пристойно удивляться и двигаться по определенному маршруту, ибо все здесь расставлено и пронумеровано: цвета, запахи, лица, мысли. Короче говоря, я снова взялся за Жамма (вечная для меня антитеза). Перевел половину «*Prières*» — мне кажется, они вышли. Во всяком случае в них есть и мята, и зыблемые ветром поля. Самое католическое оставил я в стороне — оно отягощает и стесняет.

Е. Я. Архиппову (31 октября 1932 года)

Получил любопытный заказ от из-ва «Гос. Из-во Худ. Литер.» — перевод песен Великой Французской Революции для парадного издания²⁷ — всего около 2000 стихотворений. Жду договора. Возможно, что буду для них же переводить «Чайлд-Гарольда». Вот мои литературные новости.

Е. Я. Архиппову (20 января 1933 года)

Работаю сейчас исключительно для из-ва «Гос. Худ. Лит.». Перевожу стихотворные комедии Мольера и «Песни Французской Революции». На лето обещан мне Альфред де Виньи.

Е. Я. Архиппову (29 августа 1933 года)

Что же касается моих переводов из Вийона, то я их не включил, потому что пришлось бы тогда обидеть и Мореаса, и Фр. Жамма, и А. де Ренье — а для всех не хватило бы места. Мечтаю об отдельном сборнике переводов французских поэтов.²⁸

²⁵ *Беранже П.-Ж.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Academia, 1934. Т. 1. 1810–1830.

²⁶ Скорее всего, речь идет о следующем издании: *Шиллер Ф.* Избр. стихотворения и драмы / Пер. с нем.; под ред. В. Я. Геймана, А. Г. Горнфельда. Л.: ГИХЛ, 1937.

²⁷ Имеется в виду издание: Французская литература / Под общ. ред. А. М. Эфроса. Песни Первой Французской революции (1789–1799). М.; Л.: Academia, 1934, — где Вс. Рождественскому принадлежат переводы из Мари-Жозефа Шенье и отдельные французские революционные песни.

²⁸ Такой сборник переводов («Средоточие времен») был издан лишь 46 лет спустя, уже после смерти их автора. См. прим. 5.

Е. Я. Архиппову (25 октября 1933 года)

Вы спрашиваете меня, что делал я за этот год? Делал многое, главным образом, работал для из-ва «Academia», переводил Мольера («Докучные»)²⁹ и «Песни Великой Французской Революции». Для себя заканчивал и приводил в окончательный порядок сборник переводов Анри де Ренья, из двух его последних книг <...> Это стихи 1926–28 г.

Е. Я. Архиппову (весна 1934 года)

В литературе занят я был почти исключительно работой над переводом: перевел комедию Мольера <...> и стихи для книги «Социальная поэзия 30-х годов». Все это для «Academia», где, кстати сказать, на днях выходит, а может быть уже и вышло, 2-ое издание моих «Песен» Беранже.

Е. Я. Архиппову (10 сентября 1934 года)

Перевожу лирические стихи Виктора Гюго (попутно поражаясь его огромному, чисто акмеистическому мастерству).

Е. Я. Архиппову (9 декабря 1934 года)

Сейчас я много работаю — и для театра, и для «Academia», где перевожу стихи Гюго, а также его «Эрнани». Вышли в свет «Песни» Беранже («Academia»), очень огорчившие меня грубоватой внешностью и небрежностью редакции. В январе, как говорят, выходят там же «Песни Великой Французской Революции» — моя работа прошлого года. Что же касается Мольера, то и приблизительного срока выхода в свет указать нельзя.

Е. Я. Архиппову (17 января 1935 года)

Вы спрашиваете, что я делаю? Очень много работаю. До января я успел перевести 1500 стихов из Викт. Гюго («Легенда Веков»), 1000 стихов, французских и немецких, Каролины Павловой для собрания ее сочинений, выходящих в «Библиотеке Поэта». <...> Сейчас у меня подписан договор с Гос. Издат-ом на перевод романтической драмы Гюго «Hernani» — вещи, ослепительной по блеску.

В годы Великой Отечественной войны Вс. Рождественский находился под Ленинградом в частях действующей армии в качестве военного корреспондента, занимаясь в основном журналистской и редакторской работой, — публиковал статьи, заметки и фельетоны в газетах «На страже Родины», «Красная звезда» и «Ленинский путь», а также писал стихи.³⁰ Однако и здесь, невзирая на тяготы военного времени, отнюдь не располагавшие к занятиям изящной словесностью, поэт остается верен себе, находя время и для чтения французской поэзии (в оригинале), и для переводов «для себя». Так, в письме к известной ленинградской поэтессе и переводчице Т. Г. Гнедич от 16 апреля 1943 года он пишет: «Я живу не только в простом, но порою и упрощенном мире. Мне приятно обменяться мыслями в живой беседе, вспомнить прекрасный наш город и его (очень удачно у вас это сказано!) „влажный, дымно-розовый гранит“. И как бы я Вам был благодарен, если бы Вы прислали сюда, в качестве традиционного „кисета на фронт“ какую-нибудь хорошую старую книгу, толстую и питательную, что-либо по истории литературы (западной или русской), искусства, какие-нибудь исторические мемуары или просто что-либо из классики (чем древнее, тем интереснее — современная литература есть у нас). Хотелось бы и стихов. Нет ли у Вас чего-либо из французской поэзии (чтобы я не разучился понимать язык)? Согласен даже на Мюссе. Но лучше было бы какую-либо антологию, начиная с „Плеяды“ и кончая

²⁹ См.: Мольер. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л.: Academia, 1935. Т. 1.

³⁰ Рождественский Вс. 1) Голос родины. Стихотворения. Л.: Гослитиздат, 1943; 2) Ладога. Стихи. Л.: Гослитиздат, 1945.

„сюрреалистами“. Не плохо бы и просто хорошую прозу. Все это приняли бы бандеролью на военный адрес. А я был бы бесконечно и дружески Вам благодарен».³¹ В ожидании отправленных книг в письме от 30 апреля Вс. Рождественский просит прислать ему и французско-русский словарь: «...на всякий случай — для архаизмов».³² Уже через месяц, в письме от 25 мая, он благодарит Т. Г. Гнедич за незамедлительно исполненную просьбу: «Милая Татьяна Григорьевна! Я уже не знаю, как благодарить Вас за присылку французской Антологии! Это для меня целое богатство, которым питаться я буду долгое время. Вот уже два года, как не видел я никаких французских стихов. Все, что удержала моя память, я иногда повторял наизусть — но это оказалось так немного. А сейчас передо мною толстый том, из которого, конечно, найдется, что выбрать. Правда, я предпочел бы вторую половину XIX века или времена гораздо более давние, но хорошо и то, что Вы прислали. Тут, во всяком случае есть Leconte de Lisle, и Baudelaire, и Théodore de Banville, и Léon Dierx, и Sully Prudhomme. Конечно, это только заря Парнаса, и еще робкая заря. А „символисты“ только-только начинают сквозить в случайных и легких намеках. К сожалению, в основном это пора эмфазной декламации с уклоном в отвлеченное философствование (т. е. то, чего я как раз и не люблю в поэзии). Каждый французский поэт этой поры в глубине души чувствует себя философом <и> проповедником. Морализирование — основное их занятие. Они словно забыли яркие плащи и шпаги Hugo (как и сам Hugo в последующих своих книгах), лукавую разнеженность воображения у Musset, бытовую интонацию Béranger. Не говоря уже о буйственных испанских красках молодого Gautier. Какая-то неожиданная и несвойственная французам „благопристойность“ стала их Музой. Вполне понятной становится раздражительность поздних романтиков и требование сухой точности — у парнасцев. Но все же я Вам очень благодарен за книгу. Я еще не ознакомился с нею подробно, но прочту ее всю. Мне надо выбрать и выписать десяток-другой стихов — целиком эта библия слишком громоздка для кочевой жизни. Вот Musset, если он дойдет до меня, я буду, конечно, возить с собою, хотя и он для меня несколько „девически-розовый“. (Так любил его называть Н. С.³³). Но у Musset есть „Испанские стихи“ и действительно замечательные „Ночи“. В общем, этот день для меня — поэтический праздник. Я погружаюсь с головой в океан поэзии, в котором бродит столько забытых или утраченных ароматов молодости».³⁴

«Поэтический праздник» очень скоро дал свои плоды и на переводческой ниве: «Какое Вам сказать спасибо за присланную антологию французской поэзии? — Спрашивает Вс. Рождественский Т. Г. Гнедич в письме от 26 июня 1943 года. — В свободную минуту я часто к ней возвращаюсь, и уже кое-что перевел оттуда для себя. Пересылаю для Вас некоторые вещи (всего я перевел около 10 стихотворений). Из своих тоже можно было бы отправить некоторые, но это уже во вторую очередь».³⁵ А чуть позже в письме от 10 июля пишет: «Спасибо за книгу стихов Musset, за французский словарь. <...> Так приятно было, сидя на лесном пенёчке, под чириканье каких-то птичек читать романтические пьесы, в которых столько солнца, темперамента, остроумия. И притом такая стилистическая ясность и точность. Мне хочется перевести что-нибудь на русские стихи — „Don Paez“ или „Le marroux du feu“».³⁶

В 1950–1960-е годы Вс. Рождественский по-прежнему много переводит — главным образом, по заказу государственных издательств. Помимо произведений западноевропейской литературы (Гюго, Верхарн, Эредиа, Байрон, Гете, Фрейлигарт³⁷ и др.),

³¹ Аксененко Е. М. Т. Г. Гнедич и В. А. Рождественский. Переписка (1943–1944). «Увижу мой город свободным...» // «Верили в победу свято». Материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома. СПб., 2015. С. 50.

³² Там же. С. 55.

³³ Н. С. Гумилев.

³⁴ Аксененко Е. М. Т. Г. Гнедич и В. А. Рождественский. Переписка... С. 55–56.

³⁵ Там же. С. 59.

³⁶ Там же. С. 61.

³⁷ Отдельные переводы в следующих изданиях: Гюго В. Лирика / Пер. с фр. М.: Художественная литература, 1971; Верхарн Э. Стихи / Пер. с фр. М.; Л.: Художественная литература,

в его переводах на русском языке выходят стихи украинских, белорусских, эстонских, латышских, узбекских поэтов. Вообще переводы с национальных языков составляли значительный пласт переводной литературы в СССР. Почти все переводчики художественной литературы работали в целях культурной консолидации многонациональной страны. В большинстве случаев работа велась по подстрочникам, что накладывало определенный отпечаток на характер переводческой работы. Это не значит, что такие переводы были значительно хуже, чем переводы с хорошо знакомых переводчику языков, — напротив, практика перевода с подстрочников, начатая еще при М. Горьком в издательстве «Всемирная литература», способствовала заметному улучшению качества литературных переводов по сравнению с предшествующей эпохой.³⁸ Однако такая работа, разумеется, не могла приносить переводчику большого удовлетворения, в известной мере сковывая его творческие возможности. В письме от 13 августа 1957 года, описывая Г. В. Глекину свой досуг, Вс. Рождественский сетовал: «Единственное серьезное дело, каким я пытался заняться, были попытки перевести несколько стихотворений Р. Тагора. Это сложный и неблагодарный труд. Судя по подстрочнику, речь идет о мыслях тонких и значительных, а в русской передаче все грубеет и тускнеет. И все оттого, что не знаешь языка, с которого переводишь. Как ненавижу я все эти „подстрочники“, и судьба почти все время обрекает меня на то, чтобы возиться с ними, сквозь мутное стекло разглядывать пейзаж, который всегда кажется затянутым серой сеткой дождя... Нужно призывать на помощь всю силу воображения, чтобы представить себе, как все это могло бы выглядеть при свете солнца». В другом письме к нему же, от 1 января 1974 года, поэт сообщает: «А вообще планы „Библиотеки Поэта“ по указанию свыше ориентированы теперь на выпуск „классики национальных литератур“. А это труднейшая работа с подстрочниками, часто весьма несовершенными».

Вс. Рождественский не только много переводил сам, но и с большим интересом следил за работой своих коллег по цеху, не пропуская ни одного более или менее значительного труда в этой области, особо отмечая наиболее удачно выполненные переводы, обсуждая и анализируя менее удачные. Так, в письме от 23 декабря 1963 года он пишет Г. В. Глекину: «Несколько дней у нас дома прошло под знаком античности. Я за это время прочел «Римских поэтов» (Катулл, Тибулл, Проперций) — в новом издании и новых переводах. В памяти возникла точная и ясная латинская речь, где-то живущая в глубинах еще гимназических воспоминаний. Сейчас у меня на столе „Amores“ Овидия, на редкость изящно изданная книга — в переводах С. В. Шервинского, несколько суховатых, но точных. Воскресает весь бытовой, грубоватый Рим с примитивной романтикой любовных встреч и разлук». В другом письме к нему же, от 4 апреля 1964 года: «В Москве, в Госиздате, должен скоро выйти трехтомник Байрона. Я принимаю в нем участие (отдельные стихи и сильная, интересная драма «Сарданапал»). Но добыть это будет нелегко. Следите за Байроном — он появляется в новых переводах (да и «старый» перевод Татьяны Григ. Гнедич — потомка «Илиады» — примечателен)».

С особым вниманием Вс. Рождественский относился к вновь появлявшимся переводам французских поэтов. По поводу недавно вышедших стихотворений Бодлера в переводе В. Левика он пишет Глекину в письме от 22 апреля 1957 года: «Переводы В. Левика хороши и, как я убедился, *очень точны „по духу“, чужды тупого буквализма* (курсив наш. — С. М., М. Р.). Я мало знаком с переводчиком лично, но мне всегда нравилось в нем его точно выраженные пристрастия и то, что он больше считает себя художником, чем декоратором (он и в самом деле недурной портретист). Удастся ему и Байрон. Посмотрите, как он перевел такие разные по тональной окраске вещи, как „Чайлд Гарольд“ и „Беппо“. <...> Переводы В. Левика из Бодлера доставили мне истинное наслаждение». И в другом письме, также датированном 1975 годом, вновь

1961; Эредиа Ж.-М. де. Трофеи. М.: Наука, 1973; Байрон Дж. Лирика / Пер. с англ. М.: Художественная литература, 1967; Гете И.-В. Лирика / Пер. с нем. М.: Художественная литература, 1966; Фрейлигарт Ф. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Художественная литература, 1966.

³⁸ См.: Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1983. С. 50–92.

о Бодлере: «С интересом читал письма Бодлера. И нет странного в том, что этот сложный поэт оказался вполне понятным и в русских переводах. Его мироощущение во всей диалектике психических крайностей, столь же поразившее в свое время соотечественников, вполне доступно русскому читателю, уже приученному к психологическим трудностям и странностям (в известной мере повинен в этом и Ф. М. Достоевский). Кстати, имея возможность читать Бодлера в подлиннике, я могу сказать, что переводится он у нас неплохо (если не считать неизбежных потерь в фонетике и некоторых «смягчений» в угоду цензуры нравов). Даже старые переводы... — пусть по-старомодному несколько приглушенные и осторожные — все же доносят самую суть».

Однако наряду с высокой оценкой отдельных работ коллег на поприще художественного перевода в письмах разных лет нередко встречаются и критические замечания, касающиеся, в том числе, имен весьма громких, что, помимо всего прочего, свидетельствует о беспристрастности Вс. Рождественского в своих оценках, а также о его большом интересе к теоретическим проблемам переводоведения. Так, в письме от 28 марта 1964 года к Г. В. Глекину — на этот раз уже о переводах Шекспира — он пишет: «Вообще, Шекспира надо перечитывать время от времени, как это делают англичане. И я предпочитаю это делать во французском прозаическом переводе, *точно передающем смысловые оттенки* (курсив наш. — С. М., М. Р.). Стихотворцы-переводчики часто уходят от них в сторону (и в особенности Пастернак, который в этом случае становится жертвой собственной талантливости и своеобразия). Шекспир, кажется, единственный случай стихотворной непереводаемости. Всё иное — более или менее — осуществимо».

Из писем Вс. Рождественского хорошо видно, что как профессионального переводчика его глубоко волновали вопросы переводческой техники и проблема переводимости текстов. И хотя сам он никогда не занимался научной разработкой теории художественного перевода (в отличие от общих вопросов литературоведения и, в частности, стиховедения³⁹), тем не менее имел о ней достаточное представление — не в последнюю очередь благодаря тесному общению с учеными-филологами, ведущими теоретиками в этой области — А. В. Федоровым и уже упоминавшимся Д. С. Усовым. С последним Вс. Рождественского связывали не только деловые отношения, но и многолетняя дружба.⁴⁰ Будучи прекрасным переводчиком художественной литературы и совмещая филологическую работу с педагогической деятельностью, Усов стремился передать знания и многолетние навыки молодому поколению, читая в 1927–1929 годах курс по теории и технике художественного перевода на Высших курсах иностранных языков при Библиотеке иностранной литературы (Главнауки). По всей видимости, итогом этого преподавания явилась его большая статья «Основные принципы переводческой работы», вышедшая в 1934 году в Москве в Государственном учебно-педагогическом издательстве. Работа имела в целом прикладной характер и суммировала общие правила, которых должен придерживаться переводчик не только художественной, но и технической, учебной, деловой и пр. литературы при работе с иноязычными текстами — главным образом, при переводе с русского на национальные языки. Наряду с перечислением важнейших правил и подробным разбором типичных ошибок переводчика брошюра также содержит некоторые общие положения теории перевода, которые интересны, прежде всего, тем, что отражают текущее состояние переводоведения — в то время еще только зарождающейся филологической дисциплины. Тесное общение Вс. Рождественского с Д. С. Усовым в эти годы во многом объясняется их общими филологическими интересами — к проблемам художественного перевода, в частности. В письме к Е. Я. Архиппову от 18 ноября 1930 года Вс. Рождественский пишет: «Дм. Серг. занят своими лекциями, Ал. Гуговна⁴¹ теперь —

³⁹ См.: *Рождественский В. Жизнь слова. Беседы о поэтическом мастерстве* // Рождественский В. Избр. произведения: В 2 т. Л., 1988. С. 211–313.

⁴⁰ См. подробнее: Усов Д. С. «Мы сведены почти на нет...». М., 2011. Т. 1. Стихи. Переводы. Статьи / Сост., вступ. статья, подг. текста, комм. Т. Ф. Нешумовой. С. 41–46.

⁴¹ Левенталь Алиса Гуговна — жена Д. С. Усова.

когда она без места — хозяйством. Дм. Серг. увлекается теорией художественного перевода, мы с ним много говорили на эту тему и кое-что пытались делать вместе (Жамм)». ⁴²

В отдельных письмах Вс. Рождественского к Усову ⁴³ можно найти мысли, очень созвучные тем положениям, которые излагаются в упомянутой статье ученого. Прежде всего, это касается признания неприемлемости дословного перевода, т. е. «буквализма», или «дословщины», ⁴⁴ что, в частности, доказывается Усовым на основании тезиса о несовпадении формальных структур различных языков, их морфологии и синтаксиса: «...одинаковые цели в разных языках достигаются разными средствами: одно и то же понятие выражается различным количеством слов, и слова эти по-разному располагаются и по-разному связываются между собою; смысл же остается одинаковым. Это расхождение структуры — очень важный момент при переводе. Отсюда — неизбежность видоизменений и замен при построении переводной фразы». ⁴⁵ «Переводчик не должен быть в рабстве у грамматических форм подлинника, — пишет ученый. — Не синтаксис оригинала должен владеть им, а он должен свободно владеть синтаксисом своего родного языка». ⁴⁶ И далее: «Порядок слов в различных языках <...> не совпадает, и, воспроизводя его механически, переводчик рискует выдвинуть на первый план менее существенное или даже вовсе исказить смысл текста». ⁴⁷ Эти соображения находят прямые параллели в рассуждениях Вс. Рождественского. Так, в письме к Усову от 31 мая 1926 года он с гневом обрушивается на переводы Ронсара, выполненные С. В. Шервинским, которого укоряет в рабском следовании оригиналу, в результате чего переводчик лишь «передает смысл, но не дух. А смысл можно лучше изложить прозой, как это любят делать те же французы (прекрасный обычай, к сожалению, не привившийся у нас)». И далее: «Перевод, конечно, должен быть сотворчеством, а не фотографией. Иначе говоря, какая-то доля потери „точности“ необходима и уже заранее предрешена. Вопрос весь в том, что потерять и какою ценою... Но терять надо смело. Рисковать, чтобы очутиться в выигрыше. А этого-то я у Шервинского не вижу. Ему стоило бы вспомнить гумилевскую поговорку: „Перевод, как женщина. Верная некрасива, красивая неверна“. Шервинского можно поздравить с вполне законным браком. Брак этот — вещь очень полезная и нужная, но мне, закоренелому холостяку, внушает легкую зевоту».

Упоминание о Гумилеве в письме далеко не случайно и отсылает ко временам ранней молодости и «ученичества» Вс. Рождественского во «Всемирной литературе», когда он слушал лекции Гумилева, Чуковского и др. по стиховедению и теории перевода и посещал поэтическую студию. Участвуя в так называемом «Втором цехе поэтов», Вс. Рождественский прошел подлинную школу поэтического и переводческого мастерства, которые сформировали его как поэта. Главным акмеистическим принципом творчества — в частности, стремлению к ясности и точности словесного выражения — он сохранил верность на всю жизнь. Как нетрудно заметить, в своей оценке переводов Шервинского Вс. Рождественский руководствуется убеждением Гумилева в том, что «переводчик поэта должен быть сам поэтом, а кроме того, внимательным исследователем и проникновенным критиком, который, выбирая наиболее характерное для каждого автора, позволяет себе, в случае необходимости, жертвовать остальным». ⁴⁸

⁴² См.: Усов Д. С. «Мы сведены почти на нет...». Т. 2. Письма. С. 40.

⁴³ К сожалению, из писем самого Д. С. Усова к Вс. Рождественскому уцелело лишь одно письмо (см.: Там же. С. 558).

⁴⁴ «Дословщину», часто искажающую смысл высказывания, Усов относит к наиболее серьезным ошибкам перевода, см.: Усов Д. С. Основные принципы переводческой работы. М., 1934. С. 39–40.

⁴⁵ Там же. С. 7.

⁴⁶ Там же. С. 8.

⁴⁷ Там же. С. 10.

⁴⁸ Цит. по: Гумилев Н. С. О стихотворных переводах // Гумилев Н. С. В огненном столпе / Изд. подг. В. Л. Полушин. М., 1991. С. 314. Статья впервые напечатана в 1919 году в книге К. Чуковского «Принципы художественного перевода» (см. прим. 50).

По всей видимости, Усов вполне разделял эмоциональную оценку, данную Вс. Рождественским переводам Шервинского. Во всяком случае, в своей статье он уделяет особое внимание этой теме — как избежать опасности слепого копирования оригинала и суметь передать его дух, а не смысл: «Самое основное в процессе переводческой работы, — пишет Усов, — отчетливо выражено в следующей формулировке: „Подойдя к тексту путем интерпретации <...>, переводящий затем отвлекается от оригинала, переживает содержание его в словах и образах родного языка и фиксирует последние, воспроизводя в подробностях замысел подлинника“». ⁴⁹

Практически одновременно с Усовым теоретическими проблемами художественного перевода в эти же годы занимался А. В. Федоров (1906–1997) — тогда начинающий ленинградский лингвист (впоследствии основоположник теории перевода в СССР), с которым и Усов, и Вс. Рождественский были близко знакомы. В 1930 году в издательстве «Academia» вышла статья К. Чуковского «Искусство перевода», написанная им в 1919 году в качестве пособия для переводчиков издательства «Всемирная литература» под названием «Принципы художественного перевода». ⁵⁰ В это второе, расширенное издание была включена и статья Федорова «Приемы и задачи художественного перевода». Судя по всему, Вс. Рождественский был хорошо знаком как со статьей Чуковского, так и со статьей Федорова, с которым всю жизнь сохранял тесные дружеские и профессиональные отношения. Теоретические положения Усова и рассуждения Вс. Рождественского в письмах к последнему находят в статье Федорова явные параллели, например: «Перевод по отношению к подлиннику есть *подобие, созданное из другого материала* <...>: различны звуки, различны смысловые оттенки, которые вкладываются в слова, выражающие одно и то же представление, различны формы сочетания слов, их порядок. Какому-либо представлению, которое в родном языке выражается определенным словом, в другом языке может и не быть точного соответствия». ⁵¹ И далее: «И переводчик, отбрасывая одно, сохраняя или видоизменяя другое, производит известный *отбор* среди представляющихся ему возможностей... Таким образом *точность в одном пункте равнозначна неточности в другом*». ⁵² Как видим, этот пассаж практически полностью совпадает с мнением Рождественского-переводчика о неизбежности «потери точности» во имя сохранения «духа» оригинала. С другой стороны, выраженный в письме к Усову взгляд на художественный перевод как на «сотворчество, а не фотографию» характеризует его как противника дословного перевода и находит прямое соответствие в следующем утверждении Федорова: «Производя отбор тех элементов подлинника, которые он перенесет в свой перевод, избирая критерий этого отбора, переводчик стихов проявляет зачастую очень ярко свою художественную индивидуальность: именно благодаря необходимости выбора между разными возможностями, „преодолению трудностей“, сказывается в переводе его собственная творческая манера». ⁵³ И далее: «Передать лирическую фабулу или выразить на своем языке образ, созданный чужеземным поэтом, выразить мысль, уже раз выраженную в стихах, — это иногда то же, что заново создать эту мысль или образ...». ⁵⁴

В цитированном выше письме Вс. Рождественского к Усову от 16 апреля 1931 года интересен пассаж, где говорится о его «долгих и нудных препирательствах» с редактором А. Г. Горнфельдом ⁵⁵ по поводу переводов Шиллера. Сохранилось и два письма Вс. Рождественского к самому Горнфельду, не только проясняющих характер этой полемики, но и свидетельствующих о некоторых важнейших переводческих принципах, которым Вс. Рождественский неуклонно следовал в своей работе. По сути, они полно-

⁴⁹ Усов Д. С. Основные принципы переводческой работы. С. 23.

⁵⁰ Эта брошюра была издана малым тиражом и в продажу не поступала.

⁵¹ Федоров А. В. Приемы и задачи художественного перевода // Чуковский К. И. Искусство перевода. М., 1930. С. 90.

⁵² Там же. С. 91.

⁵³ Там же. С. 111.

⁵⁴ Там же. С. 112–113.

⁵⁵ Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867–1941) — литературовед, литературный критик, публицист, переводчик.

стью совпадают с уже рассмотренными нами теоретическими положениями Усова и Федорова, являясь, таким образом, наглядной иллюстрацией их успешного применения в переводческой практике. Так, в письме к Горнфельду от 16 апреля 1931 года Вс. Рождественский пишет по поводу своего перевода стихотворения Шиллера «Мудрецы»: «Мне хотелось бы отстаивать две последние строки.⁵⁶ Конечно, у Фед. Миллера⁵⁷ и Голованова⁵⁸ точнее передан смысл, но самое главное с точки зрения поэтического синтаксиса — скомкано: любовь и голод отодвинуты внутрь фразы, в то время как они должны, по-моему, стоять на смысловом ударном месте, т. е. на самом конце строки и быть подчеркнутыми рифмой. Вот почему я сознательно допустил некоторую натяжку («молод»), имея в виду сохранить „логическое пятно“, что, мне думается, в данном случае важнее прямого грамматического смысла».⁵⁹ «Искусство стихотворного перевода, — продолжает он, — в некоторой и весьма существенной своей части состоит в такте, с которым проводятся неизбежные отступления от подлинника. „Отступая“, нужно пользоваться тем арсеналом образов, к которым, следуя за логическим развертыванием мысли, мог бы прибегнуть сам автор (курсив наш. — С. М., М. Р.). Может быть, в этой области переводной работы и заключается то очарование, которым она к себе манит того, кто привык к самостоятельной творческой работе».⁶⁰

Таким образом, принципиальная позиция Вс. Рождественского как переводчика находит прямое выражение в словах Усова, также убежденного противника буквализма, который так характеризует в своей статье два основных существующих подхода к художественному переводу: «О принципах перевода существует целая научная литература. Если свести все споры по этому вопросу к основным системам, то таких окажется две.

1) Приверженцы первой, правильно считая, что точность есть главная задача перевода, хотят достигнуть этого, воспроизводя не только смысл, но и построение текста вплоть до мельчайших словесных единиц, не смущаясь тяжеловесностью переводимого языка — даже если он граничит с непонятностью.

2) Сторонники другой системы считают, что язык перевода не должен носить никаких следов чужезычности, т. е. ничем не должен отличаться от родного языка переводчика.

Приверженец первого метода, переводя текст, спрашивает только: что это значит на моем языке? Переводчик, придерживающийся второго метода, задает себе несколько иной вопрос: как выразил бы это писатель, если бы он писал на моем языке?»⁶¹ Именно к этому, второму типу переводчиков, за которыми оказалось будущее отечественной переводческой школы, относился Вс. Рождественский.

Далеко не все его переводы из западноевропейской поэзии увидели свет: одни оказались не востребованы в условиях тотальной несвободы и неизбежной зависимости переводчика от литературной цензуры и вкусов массового читателя, к которым

⁵⁶ Речь идет о финале стихотворения:

«Пока порядок мировой
Сшит философией такой,
Мир только тем и молод,
Что есть любовь и голод» (курсив наш. — С. М., М. Р.).

⁵⁷ Миллер Федор Богданович (1818–1881) — русский поэт и переводчик, известный своими переводами произведений Гете, Шиллера, Гейне, Шекспира и др. классиков зарубежной литературы. В 1872 году выпустил собрание сочинений Шиллера в 3 томах.

⁵⁸ Голованов Николай Николаевич (1867–1938) — поэт, драматург и переводчик. Переводил Данте, Шекспира, Гете и Шиллера.

⁵⁹ У Шиллера:

Einstweilen, bis den Bau der Welt
Philosophie zusammenhält,
Erhält sie das Getriebe
Durch Hunger und durch Liebe.

⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 452. Л. 4.

⁶¹ Усов Д. С. Основные принципы переводческой работы. С. 4.

приноравливались соответствующие издания,⁶² другие вместе с авторскими рукописями погибли во время войны и блокады Ленинграда. В письме к Г. В. Глекину от 27 сентября 1957 года Вс. Рождественский сообщает: «Кстати, уже сейчас хочу к Вам направить то, что нашел недавно о своих архивных юношах: свои переводы „Стансов“ (часть их) Жана Мореаса, одного из значительных поэтов Франции эпохи Верлена, Рембо и др. Он меня чем-то привлек в 30-е годы, и я (для себя) перевел целиком всю его книгу „Стансы“. Но рукопись погибла в блокаду — это только остатки. М. б., Вам будет интересно прочесть этого поэта (если Вы раньше его не знали). В нем есть какое-то сродство с нашим Е. А. Баратынским — та же благородная простота и тонкость мыслей».

Некоторая, сохранившаяся часть переводческого наследия Вс. Рождественского — по различным, главным образом, идеологическим причинам — не нашла в свое время должного отклика у составителей переводных антологий и сборников, редакторов и литературных чиновников и не опубликована по сей день. Впрочем, и имеющихся изданий, представляющих Вс. Рождественского как переводчика зарубежной литературы, вполне достаточно, чтобы оценить его многолетнюю самоотверженную работу на этом поприще и тот значительный вклад, который он наряду с другими современниками внес в развитие отечественной школы художественного перевода.

⁶² См. цитированное письмо к Г. В. Глекину от 1 января 1974 года.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-170-182

© Т. А. Кукушкина

К ИСТОРИИ «ИЗДАТЕЛЬСТВА ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ» (1927–1934): НЕИЗВЕСТНЫЕ ЭПИЗОДЫ

Издательства и журналы, созданные в 1920-е годы писательскими объединениями Петрограда/Ленинграда и отражающие их программы, немногочисленны. «Неблагонадежный» литературный мир экс-столицы до начала 1930-х годов с трудом получал доступ к собственному «печатному станку». Деятели пролетарской литературы располагали издательской базой лишь в первые послереволюционные годы. И только в 1930 году Ленинградская ассоциация пролетарских писателей (ЛАПП) получила в свое ведение журнал «Ленинград», а Всероссийское общество крестьянских писателей (ВОКП; с 1931 года — пролетарско-колхозных) — журнал «Перелом». Петроградский/Ленинградский отдел Всероссийского союза писателей (ПО/ЛО ВСП), объединявший литераторов дореволюционного времени и новое поколение прозаиков и поэтов, так называемых попутчиков, за двенадцать лет существования не добился такого разрешения.

Единственным издательством, учрежденным по инициативе членов ЛО ВСП серапионов К. А. Федина, М. Л. Слонимского, И. А. Груздева и С. А. Семенова (состоял в ЛО ВСП и ЛАПП), оказалось кооперативное «Издательство писателей в Ленинграде» (ИПЛ; февраль 1927 — август 1934), известное по выпуску «Дневника» и Собрания сочинений А. А. Блока,¹ серии «Библиотека поэта», основанной здесь в 1931 году по предложению М. Горького.

Органически связанное с Союзом писателей, хотя формально и не принадлежавшее ему, ИПЛ являлось одним из центров ленинградских попутчиков, по сути, их издательской базой. Выпускало произведения современных советских авторов, труды литературоведов (пайщиков, членов ЛО ВСП), классиков русской литературы, мемуары. Книги были рассчитаны на интеллигентного читателя, отличались хорошим

¹ О подготовке этого издания см.: Лавров А. В. Этюды о Блоке. СПб., 2000. С. 125–131.